

ЕЛЕНА СТРЕЛЬНИК,

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социальной работы Полтавского института экономики и права Открытого международного университета развития человека "Украина"

**Понятие социального потенциала в интерпретации проблемы гендерного неравенства
(по материалам социологических исследований)**

Abstract

The author makes an attempt to conceptualize theoretically the notion of social potential and apply it to research of gender inequality and social potential of women in Ukrainian society nowadays. In this connection the gender inequality is defined as a difference in statuses of men and women in various spheres of society that is caused by influence of gender factor on the opportunities for determination and realization of their social potential. At the same time two constituents of social potential at objective and subjective levels are distinguished, such as: the availability of social resources (material, educational, professional, and cultural) as well as readiness to make use of them and realize the value of these resources, ways of their reproduction and increase. Also the author mentions empirical characteristics at a subjective level of social potential, in accordance with which subjective aspects of social potential women in present-day Ukrainian society can be analyzed.

Утверждение принципов гендерной демократии рассматривается сегодня мировым сообществом как необходимая составляющая становления демократии и развития гражданского общества. В рамках Программы развития ООН гендерная демократия определяется как система волеизъявления женщин и мужчин в качестве равноправных в возможностях и правах, законодательно закреплённых и реально обеспеченных в политико-правовых принципах, действиях, построении общественных и государственных структур.

Международный статус Украины и возможности интеграции в Европейское Сообщество во многом зависят от развития в ней гендерной демо-

кратии, формирование которой уже несколько десятилетий является одной из важных составляющих политики европейских государств.

Гендерное равенство считается сегодня не только необходимым элементом демократических процессов, но и важным моментом экономического развития. По признанию Всемирного банка, “достижение гендерного равенства становится сегодня центральным моментом развития. Оно способно усилить способности страны к экономическому росту, к снижению бедности и к эффективному государственному управлению” [1, с. 1].

Принципы гендерного равенства закреплены во многих международных документах, в частности: в Декларации прав человека (1948), Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин (1993) и многих других. Эти принципы отображены и в ряде законодательных актов Украины.

Суть *проблемной ситуации*, на анализ которой направлено наше исследование, состоит в противоречии между законодательным закреплением принципов гендерного равенства и реальными социальными процессами, а именно сохранением гендерных неравенств практически во всех сферах общественной жизни.

В постсоветских социально-гуманитарных науках проблемы гендерного неравенства представлены в работах С.Айвазовой, Л.Бабаевой, О.Балакиревой, О.Ворониной, Т.Гурко, И.Жеребкиной, Т.Журженко, Е.Здравомысловой, О.Иващенко, В.Ильина, И.Кона, Т.Клименковой, А.Лантух, Э.Либановой, Е.Луценко, О.Макаровой, М.Малышевой, С.Оксамитной, В.Оникиенко, С.Полениной, Н.Римашевской, М.Рубчак, Г.Силласте, Л.Смоляр, В.Суковатой, А.Тёмкиной, А.Усмановой, З.Хоткиной, А.Чириковой, Ю.Якубовой, А.Яременко и др.

Цель данной статьи — теоретическая концептуализация понятия социального потенциала и его применение к исследованию гендерного неравенства и социального потенциала женщин современного украинского общества.

Эмпирическую базу исследования составили опубликованные результаты украинских и российских социологических исследований по проблемам гендерного неравенства; данные эмпирического исследования, осуществленного коллективом социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина “Социальные проблемы и политические настроения населения Украины — 2000” (общенациональная выборочная совокупность, репрезентативная для взрослого населения по основным социодемографическим характеристикам, $N = 1800$) под руководством О.Куценко.

Как демонстрирует анализ теоретических концепций гендерного неравенства, существует несколько подходов к его интерпретации:

- гендерное неравенство как естественное и обусловленное функциональной значимостью мужских и женских ролей (функциональный подход);
- гендерное неравенство как отношения различия, социально *сконструированные* в качестве неравенства возможностей и жизненных шансов женщин и мужчин (социальный конструктивизм, гендерные исследования);

- гендерное неравенство как неравенство классовых позиций мужчин и женщин, позиций в системе социальной стратификации;
- гендерное неравенство как обусловленное конфликтом между полами (конфликтный подход);
- гендерное неравенство как угнетение женщин и мужчин предписанными им традиционными ролями (либерально-феминистское направление);
- гендерное неравенство как угнетение женщин, насилие над ними (радикальный феминизм, социалистический феминизм) [2].

Мы предлагаем определять гендерное неравенство как расхождение статусных позиций женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности общества, обусловленное воздействием гендерного фактора (гендерной социализации, гендерных ролей, гендерных стереотипов, дискриминационных практик) на возможности формирования и реализации социального потенциала индивида. Понятие социального потенциала, таким образом, в рамках данной работы приобретает характер ключевого.

Т.Заславская в рамках анализа стратификационных процессов российского общества выделяет в качестве критерия статуса общественных групп их экономический, политический, социокультурный потенциал и социальный престиж, являющийся концентрированным отражением данных критериев. Экономический потенциал, по определению Заславской, включает такие компоненты, как занятость, уровень личных доходов и потребления, владение капиталом, производящим доход; политический потенциал выражается в объеме властных и управленческих функций; социокультурный потенциал отражает уровень образования, квалификации работника, особенности образа жизни и ее качество [3]. Российская исследовательница выделяет и понятие деятельностно-адаптационного потенциала, характеризующегося способностью социальных групп включаться в формирование новых общественных институтов, участвовать в их развитии и укреплении, использовать их в своих интересах, активно адаптироваться к меняющейся реальности и в результате улучшать или сохранять свой статус [3, с. 13]. Другие исследователи подобные потенции именуют также “социальной субъектностью” [4] или деятельностно-структурным потенциалом [5].

Социальный потенциал индивида в данной статье рассматривается по двум направлениям.

На объективном уровне он включает совокупность наличных социальных ресурсов (материальных, образовательных, профессиональных, культурных). Обладание данными ресурсами может непосредственно обуславливать социальный статус индивида в обществе или использоваться им для дальнейшего повышения своей социальной позиции посредством механизма активности. Речь идет об активности субъекта, направленной на превращение имеющихся ресурсов в капитал. Методологической основой в данном случае выступает концепция П.Бурдьё. В трактовке Бурдьё, капиталом становится тот ресурс, на который существует спрос на специфическом рынке и который может приносить “прибыль”, то есть силу и власть его обладателю [6, с. 40].

На субъективном уровне социальный потенциал включает личную готовность к освоению ресурсов, осознание ценности наличных ресурсов и способов их воспроизводства и приращения.

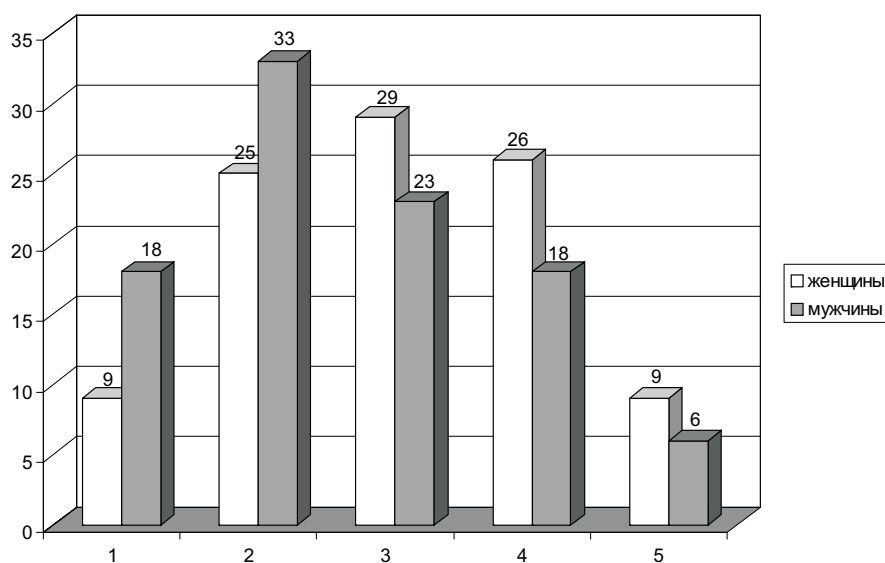
Выделим следующие эмпирические показатели субъективного уровня социального потенциала:

- ощущение возможности влиять на собственную жизнь;
- готовность к активному изменению своей жизни;
- наличие/отсутствие патерналистских установок;
- готовность идти на жертвы ради достижения богатства (П.Бурдье);
- оценка стратегий улучшения материального благосостояния;
- проективный уровень экономической, политической, профессиональной активности.

Данные критерии будут использованы нами для анализа субъективных аспектов социального потенциала женщин в современном украинском обществе.

Самооценка уровня активности, направленной на улучшение своего положения в обществе, определялась исходя из ответа респондентки (респондента) на вопрос: “Предпринимаете ли Вы что-либо для улучшения, укрепления своего положения в обществе?”. При этом мы имеем в виду, что полученные от респондентов ответы свидетельствуют, скорее, не о реальной активности, а об установке на нее.

Анализ данных продемонстрировал наличие существенных различий (значимых на уровне 0,01) в оценке уровня собственной активности женщинами и мужчинами (рис. 1).

1. Да, активно пытаюсь укрепить, улучшить свое положение в обществе.
2. Да, кое-что предпринимаю, когда возникают благоприятные условия.
3. Ничего не предпринимаю, так как пока нет возможностей.
4. Нет ни возможностей, ни желания что-либо предпринимать.
5. Затруднились сказать.

Рис. 1. Гендерные особенности самооценки уровня активности, направленной на улучшение, укрепление своего положения в обществе (N_ж = 983; N_м = 792), % к ответившим (в диаграмме не представлен вариант “другое”)

Как видим, уровень собственной активности оценивается мужчинами и женщинами неодинаково. Активной (в той или иной степени) свою позицию считают 51% мужчин и 34% женщин.

Для дальнейшего анализа мы считаем целесообразным выделить в качестве отдельной подгруппы группу образованных (имеющих среднее специальное и высшее образование) и активных респондентов (те, кто обозначил свою позицию как активную в той или иной степени). Мы предполагаем, что отдельные характеристики социального потенциала данной группы респондентов будут отличны от данных в целом по массиву.

Уровень установки на активную жизненную позицию уточнялся с помощью дополнительного вопроса: «Как Вы думаете, от чего, прежде всего, зависит то, как складывается ваша жизнь?» В данном случае анализ продемонстрировал наличие существенных гендерных диспропорций в оценке своих возможностей влиять на собственную жизнь (различия значимы на уровне 0,01). Для женщин более, чем для мужчин, характерна позиция, основывающаяся на представлении о преобладающем влиянии внешних факторов на жизнь (табл. 1).

Таблица 1

Гендерные особенности самооценки возможностей влияния на свою жизнь, % к ответившим

Ответ на вопрос: «Как Вы думаете, от чего, прежде всего, зависит то, как складывается Ваша жизнь?»	В целом среди опрошенных		В группе образованных и активных	
	женщин N = 996	мужчин N = 793	женщин N = 201	мужчин N = 237
1. Преимущественно от меня	10	17	13	27
2. В большей мере от меня	11	17	21	22
3. В большей мере от внешних обстоятельств	38	33	40	28
4. Преимущественно от внешних обстоятельств	34	27	21	19
5. Затруднились сказать	8	6	5	4

Характерно, что в группе образованных и активных респондентов доля мужчин, полагающих, что их жизнь зависит от собственных усилий, существенно возрастает по сравнению с мужчинами в целом по массиву (27% : 17% соответственно). Доля женщин здесь практически не изменяется в сравнении с общей долей среди опрошенных; хотя количество женщин, полагающих, что их жизнь зависит преимущественно от внешних обстоятельств, значительно уменьшается (21% : 34% соответственно).

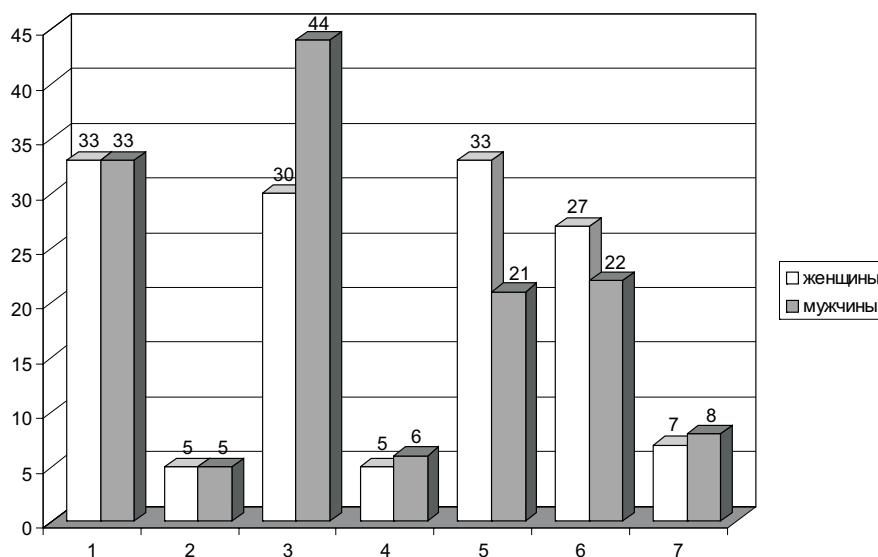
Таким образом, позиция о преимущественном влиянии внешних факторов на жизнь характерна для большинства женщин и не зависит от уровня их образования и установки на активность, направленной на улучшение личного положения в обществе.

По нашему мнению, гендерные особенности самооценки уровня активности определяются во многом не столько реальными практиками, сколько традиционными гендерными ролями, в соответствии с которыми сфера женской самореализации рассматривается как приватная (и относительно

пассивная), а сфера мужской самореализации — как публичная (и относительно активная).

Проективный уровень экономической активности. В рамках нашего исследования уровень проективной экономической активности определялся на основании ответа респондентов на вопрос “Если бы у Вас сейчас имелись свободные денежные средства, то каким образом Вы бы предпочли их использовать?”. Среди респондентов-мужчин 29% предпочли бы вложить деньги в собственный бизнес, среди женщин таковых 16%.

Данная диспропорция сохраняется и в группе образованных и активных респондентов. Однако отметим, что среди образованных и активных женщин 30% вложили бы деньги в собственный бизнес (то есть их доля почти в два раза больше, чем в целом среди опрошенных женщин). Распределение приоритетов насчет вложения свободных денежных средств для вышеуказанных групп выглядит следующим образом (рис. 2).

1. Приобрести дом, квартиру, машину и т.п.
2. Приобрести земельный участок.
3. Вложить в собственный бизнес (его организовать, расширить и т.п.).
4. Вложить в акции, другие ценные бумаги.
5. Приобрести товары для дома, купить хорошую одежду.
6. Отложить для будущего, в частности положить в банк.
7. Передать, подарить родным, близким.

Рис. 2. Гендерные особенности приоритетов в отношении вложения свободных денежных средств в группах образованных и активных респондентов
($N_{ж} = 201$; $N_{м} = 237$), % к ответившим (в диаграмму не включены варианты “другое”, “затрудняюсь ответить”)

Как видим, наиболее существенные различия наблюдаются по двум позициям: женщин гораздо меньше среди тех, кто хотел бы вложить деньги в бизнес, а мужчины значительно реже предпочитают покупку товаров для дома и хорошей одежды. Данная тенденция подтверждается распределением ответов о планах респондентов в ближайшие 3–5 лет, касающихся рас-

ширения (создания) своего бизнеса. Гендерная диспропорция сохраняется и в группах образованных и активных респондентов; однако доля тех, кто планирует создать свой бизнес, как среди мужчин, так и среди женщин здесь больше (табл. 2).

Таблица 2

**Гендерные аспекты жизненных планов: “Планируете ли Вы в ближай-
шие 3–5 лет расширить (создать) свой бизнес?”, % к ответившим**

Ответы	В целом среди опрошенных		В группе образованных и активных	
	женщин N = 374	мужчин N = 388	женщин N = 123	мужчин N = 148
1. Скорее нет	60	49	54	35
2. Скорее да	20	28	29	40
3. Трудно сказать	20/100	24/101	18/103	25/100

Проективный уровень профессиональной активности

На субъективном уровне профессиональный потенциал отражает личную нацеленность на профессиональную мобильность, значимость профессии в системе ценностей личности, уровень профессиональных притязаний, степень мотивации достижений. В данном случае необходимо, во-первых, анализировать объективные факторы, обуславливающие направленность экономической, профессиональной активности. Так, большинство исследователей современных процессов на рынке труда сходятся во мнении, что пребывание женщин вне сферы экономически активного населения в большинстве случаев не является добровольным, а стало следствием дискриминации на официальном рынке труда. Во-вторых, необходимо также исследовать уровень профессиональной активности на личностном уровне. В ходе исследования, проведенного в 1994–1998 годах российскими социологами, были выделены социально-психологические типы женской деловой (профессиональной) активности. “*Инновационный*” тип – женщины, работа которых характеризуется высокой степенью ответственности, напряженности, риска, управленческими функциями. Женщины этого типа отличаются эмоциональной вовлеченностью в работу; играют роль экономического лидера в своих семьях. “*Профессиональный*” тип – профессиональная активность характеризуется наличием внутренней мотивации, карьерных устремлений, однако работа не столь напряженная, как в первой группе. “*Вынужденный*” тип – мотивами профессиональной активности здесь выступают внешние факторы (чаще материальные). В данном случае отсутствует самоидентификация с работой и потребность в профессиональной самореализации. Вместе с тем характерно, что женщины как второго, так и третьего типа, проявляя стремление к повышению своего делового статуса, не готовы к росту напряженности и риска в работе [7].

Один из важных элементов профессиональной, экономической активности – стратегии трудового поведения, в частности женщин, оказавшихся в ситуации безработицы. Например Г.Силласте выделяет 3 основных типа поведенческих установок безработных женщин. 1-й тип – “инертно-выжидательный” – охватывает 33% безработных женщин. В данном случае они

полагаются на помощь родственников, друзей, знакомых в поиске работы. 2-й тип — “пассивные фаталистки” — объединяет еще 23% россиянок. Смысл их позиции: “Найти работу сейчас невозможно”, “Уже ничто не поможет”. 3-й тип — сторонницы активного экономического поведения, которые активно заняты поиском работы или организацией собственного бизнеса и составляют 43% [8, с. 11]. Женщины этой группы обращаются в государственные службы занятости, частные агентства по трудоустройству, ведут поиск работы по объявлениям в СМИ, лично обращаются в отделы кадров предприятий, пытаются заняться бизнесом. Согласно мнению Силласте, степень адаптации у безработных женщин в целом достаточно высока: лишь 5% безработных женщин соглашались на любую работу. Мотивы трудоустройства женщин следующие: высокая зарплата (75%), ее регулярная выплата (59%), работа по специальности (34%), хорошие условия труда (19%), близость места работы от дома (17%) [8, с. 11].

Стратегии трудового поведения женщин во многом обусловлены уровнем профессиональных притязаний, местом профессии, карьерного роста в системе ценностных ориентаций. По признанию психологов, высокая мотивация достижений является одним из существенных факторов самореализации женщины [9, с. 9]. Согласно исследованиям российских социологов, 8% российских женщин в большей степени идентифицируют себя с профессией, а не с семьей, а треть замужних женщин и более половины незамужних ориентированы на профессию [10, с. 79].

Проективный уровень политической активности

В рамках нашего исследования проективный уровень политической активности респондентов определялся на основе ответов на вопросы об уровне интереса к политическим событиям, а также о планах в ближайшие 3–5 лет заняться политикой. Показательно, что уровень заинтересованности политическими событиями в группе образованных и активных (как женщин, так и мужчин) выше, чем в целом среди опрошенных (табл. 3).

Таблица 3

Уровень интереса к политическим событиям, % к ответившим

Уровень интереса	В целом среди опрошенных		В группе образованных и активных	
	женщин N = 999	мужчин N = 798	женщин N = 202	мужчин N = 237
1. Интересуюсь регулярно	27	39	35	45
2. Обычно интересуюсь	25	31	32	33
3. Интересуюсь от случая к случаю	33	20	27	15
4. Не интересуюсь вообще	15	9	6	6
5. Затруднились сказать	1	1	0	1

Интересно, что женщины продемонстрировали большую нацеленность в своих жизненных планах на занятие политикой. Так, если среди женщин потенциальную нацеленность на политическую деятельность продемонстрировали 7%, то среди мужчин таковых — 4%.

Готовность идти на жертвы ради достижения богатства, согласно П. Бурдые, — один из существенных критериев экономического потенциала. Существенные гендерные различия (на уровне 0,01) наблюдались уже при ответе на вопрос о степени согласия с утверждением о том, что ради достижения богатства можно чем-то пожертвовать (табл. 4).

Таблица 4

Гендерные особенности в плане готовности чем-то пожертвовать ради достижения богатства (“Согласны Вы с утверждением о том, что ради достижения богатства можно чем-то пожертвовать?”), % к ответившим*

Степень согласия/несогласия с утверждением	В целом среди опрошенных		В группе образованных и активных	
	женщин N = 994	мужчин N = 794	женщин N = 201	мужчин N = 236
1. Полностью согласен	6	13	11	17
2. Скорее согласен	26	30	34	31
3. Скорее не согласен	27	22	23	24
4. Совершенно не согласен	27	25	22	21
5. Затруднились сказать	14	11	10	8

* В группе образованных и активных респондентов различия не были статистически значимыми — данные приведены лишь для сравнения с общим массивом опрошенных. В связи с округлением данных до целых сумма по некоторым столбцам не равна 100%.

Дальнейший анализ выявил гендерные различия по нескольким позициям: готовности жертвовать условиями труда, бытовыми удобствами, душевным спокойствием, моральными принципами и здоровьем, в отличие от карьеры, профессии, доверия коллег по работе, друзей и близких. Например условия труда оказались определенно менее значимы, чем богатство, для 34% мужчин и 23% женщин. При этом душевное спокойствие как в целом среди опрошенных, так и в группах образованных и активных граждан для женщин оставалось все-таки более важным, чем для мужчин (различия значимы на уровне 0,05) (табл. 5).

Таблица 5

Гендерные особенности готовности пожертвовать душевным спокойствием ради достижения богатства, % к ответившим

Ответы	В целом среди опрошенных		В группе образованных и активных	
	женщин N = 460	мужчин N = 433	женщин N = 118	мужчин N = 141
1. Определенно нет	37	32	35	32
2. Скорее нет	26	22	29	19
3. Скорее да	10	15	18	20
4. Определенно да	7	10	9	7
5. Затрудняюсь сказать	20	22	9	22

Значимые различия (на уровне 0,05 и 0,01) наблюдаются и в оценке готовности жертвовать моральными принципами ради достижения богатства. В группах образованных и активных респондентов снижается доля мужчин, определенно не готовых пожертвовать моральными принципами (с 38% до 32%), аналогичная же доля женщин увеличивается с 47% до 56%. Интересно, что наиболее существенные гендерные диспропорции обнаружились при оценке готовности жертвовать здоровьем для достижения богатства. Так, среди образованных и активных граждан 73% женщин и 50% мужчин определенно не стали бы жертвовать здоровьем для достижения богатства.

Полученные данные, на наш взгляд, можно объяснять несколькими факторами. Так, степень готовности пожертвовать различными благами определяется во многом ценностными ориентациями индивида. Тот факт, что женщины уступают мужчинам в степени готовности жертвовать моральными принципами, здоровьем, душевным спокойствием для достижения богатства, может говорить о том, что данные ценности занимают более важное место в системе ценностных ориентаций женщин. С другой стороны, в условиях социально-экономического кризиса и падения уровня жизни большинства семей, гипертрофируется значимость выполнения мужчиной инструментальных функций. Поэтому готовность жертвовать различными благами ради достижения богатства — это скорее не результат стремления мужчин к личному обогащению любыми средствами, а следствие выполнения ими социальной роли, соответствующей ожиданиям.

Наличие индивидуалистских и патерналистских установок определялось на основании ответа на следующий вопрос: “Кто в большей степени должен нести ответственность за обеспечение человека всем необходимым для жизни — сам человек или государство?” Анализ не выявил существенных различий в преобладании патерналистских установок в группах мужчин и женщин, хотя среди мужчин доля тех, кто полагает, что всю ответственность несет человек все же несколько выше (16% : 12%). Кроме того, преобладание патерналистских установок с возрастом усиливается. Так, в возрастных группах старше 60 лет как среди женщин, так и среди мужчин треть наших сограждан полагают, что главную ответственность за обеспечение человека всем необходимым несет государство.

Оценка стратегий достижения материального благосостояния

Согласно опросу Украинского института социальных исследований “Сельская семья Украины”, проведенному в 1998 году, 71,8% женщин и 58,8% мужчин оценивают материальное положение своих семей как крайне трудное. Однако они по-разному оценивают стратегии его улучшения. Мужчины скорее предпочитают конструктивные стратегии: необходимость сменить работу на более высокооплачиваемую, найти работу по совместительству, расширить земельный участок и выращивать продукцию на продажу, организовать частное предприятие. Причем единственная позиция, в выборе которой преобладают женщины, — “терпеть, пока можно” (табл. 6).

Таким образом, субъективные аспекты социального потенциала в группах женщин и мужчин имеют свои особенности. Проблема гендерного неравенства в отношении женщин конкретизируется в соотношении их социального потенциала и социального статуса.

Таблица 6

Гендерные особенности стратегий улучшения материального положения
 (“Если Вы не удовлетворены своим материальным положением, что, по Вашему мнению, необходимо сделать, чтобы его улучшить?”), %*

Стратегии улучшения материального положения	Женщины	Мужчины
1. Сменить работу на более оплачиваемую	14,3	27,2
2. Найти работу по совместительству	11,4	20,6
3. Повысить квалификацию, уровень образования	11,1	19,4
4. Сменить специальность	10,0	19,3
5. Расширить свой земельный участок и выращивать сельхозпродукцию на продажу	15,9	24,7
6. Организовать частное предприятие	8,5	16,5
7. Заняться покупкой ценных бумаг	7,2	14,9
8. Выехать на работу за границу	6,7	14,6
9. Требовать от правительства снижения цен	27,2	26,8
10. Требовать от правительства повышения зарплаты	34,4	33,7
11. Терпеть, пока можно	19,6	11,3

* Таблица приводится с сокращением по: [11, с. 99].

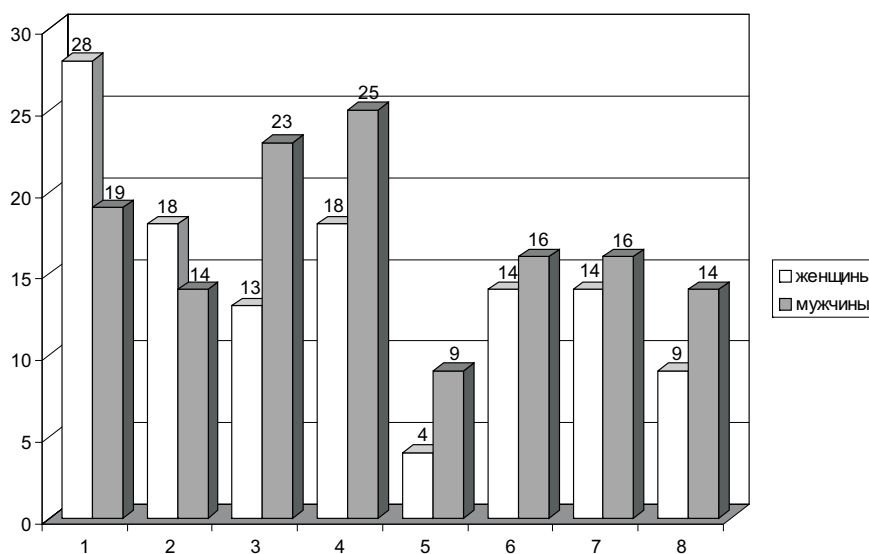
По признанию многих социологов, одним из наиболее важных критериев стратификации современных постсоветских обществ является уровень адаптации к проводимым преобразованиям. Анализ различных жизненных стратегий демонстрирует существенные гендерные различия в моделях адаптации. Так, в ходе всероссийского опроса 1998 года ($N = 1100$) были выделены три идеально-типические группы: “*преуспевающие*” — те, кто выиграл от проводимых реформ и оценивает свое материальное положение как сравнительно лучшее; “*адаптированные*” — те, кто не выиграл и не проиграл от проводимых реформ и оценивает свое материальное положение как такое же, как у других людей; “*выживающие*” — те, кто проиграл от проводимых реформ и материальное положение которых является худшим по сравнению с другими людьми [12].

Исследователи характеризуют данные группы по ряду критериев — возрасту, уровню и качеству образования, наличию прорыночных/патерналистских установок и особенностям менталитета. В ряду наиболее значимых критериев, в первую очередь, называют пол и возраст — успешные адаптанты преимущественно молодые мужчины [13, с. 53]. Согласно классификации, предложенной Л.Беляевой, — среди “преуспевающих” мужчины составляют 70%, среди “адаптированных” — 48%, среди “выживающих” — 41% [12, с. 146].

Социальный статус женщин современного украинского общества в его объективном и субъективном аспектах является результирующей процесса адаптации, а его характеристики свидетельствуют об успешности/неуспешности данного процесса.

В рамках нашего исследования было выявлено, что женщины с достаточно высоким образовательным уровнем и установкой на активную жизненную позицию в изменении своего положения в обществе относятся к успешным адаптантам. Это связано не только и не столько с уровнем обра-

зования и установкой на активность, сколько с тем, что эта группа представлена преимущественно молодыми женщинами. Для этих женщин характерно наличие ресурсов, обеспечивающих успешную реализацию социального потенциала, — возраст, образование, установка на активность. Они демонстрируют характеристики успешных адаптантов по таким критериям, как более позитивная оценка своего материального положения и жизни в целом, более высокий индекс удовлетворенности материальным положением, нацеленность на предпринимательскую деятельность и т. п. Тем не менее наиболее острой проблемой является проблема реализации женщиной своего социального потенциала. С целью фиксации этой проблемы в рамках нашего исследования сравнивались не только группы мужчин и женщин, но и группы с двумя важными составляющими потенциала — достаточно высоким уровнем образования и установкой на активность, направленной на укрепление (улучшение) своего положения в обществе. Предполагалось, что основные статусные характеристики женщин и мужчин данных групп будут сходными. Однако анализ данных продемонстрировал расхождения в оценке респондентами этих групп тех возможностей, которыми они смогли воспользоваться в последние годы (рис. 3).

1. Никакими возможностями не смог воспользоваться.
2. Новых возможностей не приобрел, старые потерял.
3. Зарабатывать больше, чем раньше.
4. Заняться делом, ранее не доступным для меня.
5. Стать собственником.
6. Лучшее образование для себя (детей).
7. Приобрести знакомства с нужными людьми.
8. Выезжать за рубеж (дальнее зарубежье).

Рис. 3. Гендерные особенности относительно возможностей, которыми смогли воспользоваться образованные и активные граждане
 (“Какими новыми возможностями, возникшими в последние годы в обществе, Вы смогли воспользоваться?”) (N_ж = 201; N_м = 237), % к ответившим
 (респондент мог выбрать не более трех позиций)

Как видим, в указанной группе сохраняется гендерная диспропорция: никакими новыми возможностями здесь не смогли воспользоваться 28% женщин и 19% мужчин; новых возможностей не приобрели, старые потеряли — 18% женщин и 14% мужчин; возможность зарабатывать больше получили 13% женщин и 23% мужчин; возможность заняться ранее недоступным делом отметили 18% женщин и 25% мужчин; стать собственниками смогли 4% женщин и 9% мужчин; выезжают за рубеж 9% женщин и 14% мужчин.

Итак, женщины преобладают лишь в двух группах: среди тех, кто никакими новыми возможностями воспользоваться не смог, и среди тех, кто полагает, что новых возможностей не приобрел, а старые потерял. Следует отметить, что статистический анализ не выявил в данном случае значимых различий. Однако мы опираемся на мнение некоторых авторитетных специалистов в области методики и техники социологических исследований о допустимости демонстрации подобных данных при их значимости для исследования [14, с. 187]. Для подтверждения тенденции мы подвергли сравнению также группы респондентов в возрасте до 50 лет, имеющих среднее специальное и высшее образование. Анализ продемонстрировал сохранение гендерных диспропорций в возможностях, которыми смогли воспользоваться эти люди в последние годы.

Выводы

Значительные расхождения статусных позиций женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности общества являются показателем степени реализации их социального потенциала. На объективном уровне социальный потенциал включает ресурсы, которые могут быть использованы индивидом для повышения (укрепления) своей статусной позиции. В современном украинском обществе налицо противоречие между декларируемым равенством в доступе к ресурсам и реальными социальными процессами, а именно: фактическим ограничением доступа женщин к экономическим, политическим и образовательным ресурсам. Так, сохраняется высокая концентрация женщин в отраслях экономики с низкой оплатой труда; доступ к ресурсу занятости ограничен и неспособностью государства оказать помощь в трудоустройстве безработным женщинам, и структурным несоответствием между профессионально-квалификационным уровнем и трудовыми вакансиями, и практическим отсутствием государственных программ по поддержке женского предпринимательства, и дискриминационными практиками в отношении женщин. Проблема несформированности социального потенциала женщин конкретизируется в субъективных его составляющих.

Согласно нашему исследованию, субъективные аспекты социального потенциала женщин характеризуются такими важными моментами:

- 1) более низкой, по сравнению с мужчинами, установкой на активность, направленную на улучшение (укрепление) своего положения в обществе. Активной (в той или иной степени) в данном случае свою позицию считают 51% мужчин и 34% женщин;
- 2) сохранением гендерных диспропорций в оценках способности влияния на свою жизнь, в том числе в группах образованных и активных граждан. Последнее позволяет говорить о том, что представление о преимущественном влиянии внешних факторов на жизнь характер-

на для большинства женщин и не зависит от уровня их образования и степени установки на активность, направленную на укрепление своего положения в обществе;

- 3) существенными гендерными различиями в направленности проективной экономической активности. В силу ролевой специфики женщины значительно чаще, чем мужчины предполагают возможным вложение свободных денежных средств для удовлетворения нужд семьи, нежели для развития (создания) бизнеса;
- 4) менее конструктивными, по сравнению с мужчинами, стратегиями улучшения своего материального благосостояния.

Проблема гендерного неравенства конкретизируется в соотношении социального потенциала женщин и их социального статуса. Проведенный анализ позволяет говорить о гендерном неравенстве как о *неравенстве жизненных шансов*. Степень влияния наличных ресурсов (возраста, образования, установки на активность) на жизненные шансы женщин и мужчин различна. Если наличие данных ресурсов в группе мужчин существенным образом повышает жизненные шансы и возможности повышения своей статусной позиции, то в группе женщин данное влияние не имеет такого непосредственного характера.

Литература

1. Гендерные проблемы и развитие: стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы (научный доклад о политике Всемирного банка). — М., 2001.
2. Стрельник Е. Гендерное неравенство: теоретико-методологические подходы к интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 147–154.
3. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 5–23.
4. Сокурская Л.Г. Социальная субъектность как социологическое понятие и социальный феномен // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Харків, 2001. — С. 36–41.
5. Куценко О.Д. Діяльнісно-структурний потенціал трансформаційного процесу: до розробки концепції класоутворення : Автореф. дис. ... д-ра соціол. наук. — Х., 2001.
6. Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. — М., 1993.
7. Турецкая Г.В. Деловая активность женщин и семья // Социологические исследования. — 2001. — № 2. — С. 67–73.
8. Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 5–15.
9. Вівчарик Т.П. Психологічні механізми самореалізації жінки (на прикладі жіночої молоді, включеної у творчу професійну діяльність) : Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — К., 2000.
10. Серезина И.И. Профессиональная карьера // Социологические исследования. — 1999. — № 4. — С. 78–82.
11. Соціальне становище сільської жінки в Україні. — К., 1998.
12. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 44–53.
13. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности/неуспешности // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 51–56.
14. Паніна Н.В. Технологія соціологічного дослідження : Курс лекцій. — К., 1996.